

Герасименко Ирина Евгеньевна

ЛЮБИМАЯ ГЕРОИНЯ А. С. ПУШКИНА В ЗЕРКАЛЕ ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье речь идет о лингвистической репрезентации гендерных моделей русской лингвокультуры в романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Анализ семантики номинативных единиц, относящихся к номинату 'Татьяна Ларина', позволяет сделать вывод о трансформации гендерной модели образа главной героини, что воплощает любимую поэтом идею возмездия. Подробному описанию подвергаются в статье семы внутренних форм вторичных номинантов, а также пропозициональные структуры высказываний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 1. С. 69-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'373.47

В статье речь идет о лингвистической репрезентации гендерных моделей русской лингвокультуры в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Анализ семантики номинативных единиц, относящихся к номинату 'Татьяна Ларина', позволяет сделать вывод о трансформации гендерной модели образа главной героини, что воплощает любимую поэтом идею возмездия. Подробному описанию подвергаются в статье семь внутренних форм вторичных номинантов, а также пропозициональные структуры высказываний.

Ключевые слова и фразы: гендерная модель; русская лингвокультура; семантика номинантов; номинат; Татьяна Ларина; роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Герасименко Ирина Евгеньевна, д. филол. н., доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
irinagera2006@rambler.ru

ЛЮБИМАЯ ГЕРОИНЯ А. С. ПУШКИНА В ЗЕРКАЛЕ ГЕНДЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Проанализируем процесс организации семантики номинантов, относящихся к номинату 'Татьяна Ларина', в свете концепции «гендерных моделей культуры», введенной нами в работе «Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики» [2]. Материалом для анализа послужат фрагменты романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Как известно, в восьмой главе романа главная героиня является нам столь изменившейся в связи с замужеством и обретением ею высокого положения в свете, что ее практически невозможно узнать. Она «богата и знатна», «муж в сраженьях изувечен», их «за то ласкает двор» [3, с. 226]. Татьяна занимает в художественном пространстве восьмой главы позицию почтенной матриархатной героини. Само появление Татьяны с мужем на светском рауте вызывает атмосферу особого почитания их четы, что объясняется царящим в обществе особенным уважением к Татьяне: «Но вот толпа заколебалась, / По зале шепот пробежал... / К хозяйке дама приближалась, / За нею важный генерал» [Там же, с. 209].

Семантические признаки, характеризующие в данном тексте ситуацию появления в зале Татьяны и ее мужа, связаны с атрибуцией движения. 'Колебание' толпы и 'быстрое перемещение' шепота увидевших чету свидетельствуют о волнении присутствующих, которое противопоставляется 'спокойствию' и 'замедленности' движения дамы и важного генерала.

В грамматике художественных текстов А. С. Пушкина глагол с префиксом занимает особое место [1]. В данном случае префиксы употребленных А. С. Пушкиным глаголов движения формируют атрибутивную семантику движения в толпе и движения Татьяны к хозяйке дома. Так, с помощью значения префикса за- 'начать действие, названное мотивирующим глаголом' (заколебаться = 'начать колебаться') подчеркивается, что колебание (волнение) в толпе только началось и может продолжаться еще какое-то время. С помощью префикса про- со значением 'действие, названное мотивирующим глаголом, направить сквозь что-нибудь, через что-нибудь, вглубь' (пробежать = 'быстро перемещаться сквозь залу, вглубь нее') изображается охваченность волнением большого числа присутствующих, может быть, всех присутствующих. Напротив, префикс глагола, относящегося к Татьяне (при-), по значению нейтрален и обозначает 'доведение действия до конечного пункта, полное сближение с целью движения' (приближаться). Таким образом, семантика глагольных префиксов создает дополнительный коннотативный пласт, характеризующий отношение светского общества к Татьяне и позиции Татьяны в светском обществе.

Изображение портрета Татьяны не включает лексем с актуализированной оценочной семантикой, но воспринимается как квалификативное, так как в нем очерчивается положение дел, приобретающее соответствующий смысл в «картине мира» поэта: «Она была нетороплива, / Не холодна, не говорлива, / Без взора наглого для всех, / Без притязаний на успех, / Без этих маленьких ужимок, / Без подражательных затей... / Все тихо, просто было в ней» [3, с. 209].

Портрет Татьяны соотношен в «картине мира» Пушкина с представлением об эталоне, образце, которому должно подражать. Неслучайно Пушкин резюмирует изображение образа Татьяны прямой квалификацией, синонимичной слову идеал: «Она казалась верный снимок / *Du comme il faut*...» [Там же].

Присутствие в словесном портрете Татьяны «несказанности» ее красоты представляется особенно важным для отнесения ее к героине матриархатной гендерной модели. В обрисовке образа поэт не коснулся глаз, волос, платья, иных деталей внешнего облика Татьяны. Он представил черты ее психологического портрета, из которых с внешностью связаны лишь те, которые характеризуют жесты и мимику (неторопливость движений, отсутствие ужимок и наглости во взоре). Тело Татьяны представляет собой табуированную тему, что свойственно изображению возвышенного матриархатного идеала. Таким образом, Татьяна предстает как матриархатная героиня, красота которой священна и запретна для нескромного взгляда и обсуждения.

В следующей строфе доминантность обнаруживает семантический признак 'оказание особого почтения' Татьяне, имплицитно выраженный пропозициональными контекстами фраз: «К ней дамы подвигались ближе; / Старушки улыбались ей; / Мужчины кланялись ниже, / Ловили взор ее очей; / Девицы проходили тише / Пред ней по зале, и всех выше / И нос и плечи подымал / Вошедший с нею генерал» [Там же].

Все субъекты (*дамы, старушки, мужчины, девицы*) совершают действия, показывающие особенное почтение и желание приобрести ответное одобрение (*подвигаться ближе, улыбаться, кланяться, ловить взор, проходить тише*). Словосочетание *подвигаться ближе* пропозиционально выражает значение 'желание быть ближе', т.е. 'стремление получить взаимную симпатию, дружбу'. Лексему *улыбаться* можно интерпретировать как содержащую сему 'выражение одобрения и симпатии'. Более низкие поклоны мужчин и их попытка встретиться с Татьяной взглядом репрезентируют скрытый смысл 'особое поклонение и желание найти ответное чувство'. Тихое прохождение по зале девиц перед Татьяной репрезентирует 'трепет' и 'благоговение' по отношению к ней.

Гордость обладания такой женщиной выражена на языке жестов «поднимание носа и плеч» генералом – мужем Татьяны. Интересно заметить, что Пушкин активно использует словарь языка жестов, который также можно отнести к средствам выражения коннотативной текстовой семантики, например: «*Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась / Иль стала вдруг бледна, красна* ('выражение волнения')... / *У ней и бровь не шевельнулась* ('выражение удивления'); / *Не сжала даже губ она* ('выражение напряжения, досады')» [Там же, с. 211].

Итак, все коннотативные оценки, созданные без использования слов с аксиологической семантикой при помощи пропозициональных структур указанных фраз, содержат положительные (и даже превосходные) квалификации Татьяны и характеризуют ее как представительницу матриархатной гендерной модели культуры.

Матриархатным гендерным стереотипом является способность женщины свободно владеть речью в разговоре с мужчиной, что противопоставляется потере «дара речи» у мужчины в присутствии женщины. Вспомним: муж Татьяны, родственник Онегина, подводит его к своей жене. Онегин пытается завести с ней светский разговор, но у него ничего не получается – вместо него активную позицию в диалоге занимает Татьяна: «*С ней речь хотел он завести / И – и не мог. Она спросила, / Давно ль он здесь, откуда он / И не из их ли уж сторон?*» [Там же]. Следующая встреча Онегина с Татьяной представляет то же положение дел: «*Он с трепетом к княгине входит; / Татьяну он одну находит, / И вместе несколько минут / Они сидят. Слова нейдут / Из уст Онегина. Угрюмый, / Неловкий, он едва-едва / Ей отвечает*» [Там же, с. 213].

В контексте нашего анализа представляется весьма показательными однофокусные номинации Татьяны: «*Но мой Онегин вечер целый / Татьяной занят был одной, / Не этой девочкой несмелой, / Влюбленной, бедной и простой, / Но равнодушною княгиней, / Но неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы*» [Там же, с. 215].

Татьяна именуется *девочкой, княгиней и богиней*, причем две последние номинации противопоставляются первой. Вторичная номинация *девочка* явно принадлежит патриархатной гендерной модели, в которой положение женщины в социальном и психологическом планах малозначительно. Номинации *княгиня* и *богиня*, напротив, характеризуют Татьяну как обладательницу высокого социального статуса, а следовательно, – представительницу матриархатной модели. С лексемой *девочка* связаны такие семы внутренней формы вторичной номинации как 'непосредственная', 'бесхитростная', 'открытая', 'беззащитная'. Номинация же *богиня* актуализирует семантические признаки 'обожествление', 'почитание', 'поклонение', 'власть'.

Противопоставление номинаций, относящихся к противоположным гендерным моделям и употребленных по отношению к Татьяне, усиливается с помощью предикатов (*несмелая, влюбленная, бедная, простая девочка; равнодушная княгиня; непроступная, роскошная, царственная богиня*).

Интересно, что предикаты, формирующие в пушкинском дискурсе образы *девочки и богини*, противопоставлены по критериям: 'наличие/отсутствие высокого статуса', 'наличие/отсутствие волевых качеств', 'наличие/отсутствие богатства', 'наличие/отсутствие эмоций'.

Можно предположить, что Онегин предпочитает воспринимать женщину как субъект матриархатной гендерной модели. Иными словами, ему больше нравится поклоняться женщине, а не принимать от нее поклонение, нравится служить *неприступной богине*, а не получать признание доступной *влюбленной девочкой*. Это наблюдение подтверждается словами Татьяны из последнего объяснения с Онегиным: «*Не правда ль? Вам была не новость / Смирненной девочки любовь?*» [Там же, с. 226].

Мы уже отмечали, что в матриархатной гендерной модели культуры мужчина занимает слабую позицию. Показательным в этом смысле является уподобление Онегина *ребенку*: «*Сомненья нет: увы! Евгений / В Татьяну как дитя влюблен*» [Там же, с. 217].

Мотив сравнения взрослого влюбленного мужчины (Онегина) с ребенком отражает особенности детских чувств: восприимчивость, уязвимость, открытость, ранимость, искренность. Эти проявления детской психики репрезентируются в семах номинации *дитя*, характеризую чувства Онегина. И наряду с этим, данные семы определяют позицию Онегина в гендерной модели мира: он находится в подчиненном положении по отношению к женщине.

Квазиэталон коннотативной оценки номинации *дитя* соположен с квазиэталоном номинации *девочка*, что демонстрирует нахождение на одной ступени – в слабой позиции – мужчины и женщины в матриархатной и патриархатной гендерных моделях соответственно. Семантические признаки, на основании которых создаются/противопоставляются вторичные номинации мужчин и женщин в обеих моделях, зеркально отражают их образы.

Действия, совершаемые Онегиным, можно интерпретировать как набор матриархатных гендерных стереотипов: «*Он счастлив, если ей накинёт / Боа пушистый на плечо, / Или коснется горячо / Ее руки, или раздвинет / Пред нею пестрый полк ливрей, / Или платок подымет ей*» [Там же].

Все приведенные действия входят в систему стереотипных представлений, бытующих в культуре, о том, как мужчина должен ухаживать за женщиной. Обычно мужчина:

- накидывает / помогает надеть (снять) даме верхнюю одежду (пальто, шубу, боа);
- в знак поклонения, почтения целует руку;
- сопровождает, освобождая пространство впереди, для того чтобы женщина могла свободно (без помех, преград) пройти вперед;
- поднимает упавший предмет, принадлежащий даме.

Онегин поклоняется Татьяне как божеству: «Нет, поминутно видеть вас, / Повсюду следовать за вами, / Улыбку уст, движенье глаз / Ловить влюбленными глазами, / Внимать вам долго, понимать / Душой все ваше совершенство, / Пред вами в муках замирать, / Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!» [Там же, с. 219].

Следование за своим кумиром, видение в нем совершенства, замирание в муках (мучение) – стереотипные сцены поведения мужчины в матриархатной гендерной модели.

Интересно, что смена позиции Татьяны в культурной гендерной модели (*бедная девочка* → *роскошная богиня*), созданная А. С. Пушкиным, воплощает любимую поэтом идею возмездия. Бедная, влюбленная, самоотверженная, готовая на преодоление любых препятствий ради любви к господину своего сердца *девушка*, потерпев от него унижение, превращается в «*священную матрону*», которая в силах, во власти наказать, уничтожить умалившегося, ставшего подвластным обидчика.

Список литературы

1. Герасименко И. Е. Гендер в коннотативном пространстве русской лингвокультуры. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. 189 с.
2. Герасименко И. Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики: дисс. ... д. филол. н. М., 2009. 429 с.
3. Пушкин А. С. Евгений Онегин: роман в стихах. М.: Художественная литература, 1981. 255 с.

A. S. PUSHKIN'S FAVOURITE FEMALE CHARACTER IN THE MIRROR OF GENDER MODELS OF THE RUSSIAN LINGUO-CULTURE

Gerasimenko Irina Evgen'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
irinagera2006@rambler.ru

The article deals with the linguistic representation of gender models of Russian linguo-culture in A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". The analysis of the semantics of nominative units, related to the nominee "Tat'yana Larina", enables to conclude about the transformation of gender model of main character's image, which embodies the poet's favourite idea of vengeance. The author gives the detailed description of the semes of internal forms of the secondary nominees, as well as the propositional structures of statements.

Key words and phrases: gender model; the Russian linguo-culture; semantics of nominees; nominee; Tat'yana Larina; A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin".

УДК 808

The present paper aims to analyse precedent phenomena in the framework of sociocultural and linguo-cultural studies. The authors analyse the current approaches to the concept under review to define precedent phenomena and establish their role in the build-up of social consciousness of a linguo-cultural community. The authors also consider the relevant notion of associativity and suggest that precedent phenomena can be classified in accordance with this parameter.

Key words and phrases: precedence; precedent phenomena; social consciousness; socio-linguistics; linguo-cultural community; cultural space.

Grishechko Ovsanna Savvichna, Ph. D. in Psychology, Associate Professor
Akopova Asya Savvichna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Southern Federal University
os-sfedu@yandex.ru; rsu-akopova@yandex.ru

THE CONCEPT OF PRECEDENT PHENOMENA AND THEIR ROLE IN SHAPING SOCIAL CONSCIOUSNESS

Precedent (from Latin *pracedens* – prior) as a notion is traditionally analysed in the framework of legal sciences and is defined as 'behaviour in certain situations, viewed as model behaviour under similar circumstances' [1, с. 583]. The issue of legal characteristics, emergence and evolution of the precedent as a legal category attracted the attention of legal scholars, who viewed precedents as efficient instruments that could be used to bridge legal gaps. The nature